

Угнетенные народные массы остготского королевства, рабы и колоны, в своей борьбе за освобождение иногда объединялись и совершали даже вооруженные нападения на имения крупных землевладельцев. Об этом красноречиво говорят суровые санкции остготского правительства, применявшиеся против участников „насилий“, совершаемых вооруженной „толпой“ (*multitudo*). Социальная направленность остготского законодательства проявляется в подобных предписаниях с особенной яркостью.

Вот одно из таких предписаний эдикта Теодориха: „Тот, кто с вооруженными людьми, оружием, палкой, камнем изгнал бы кого-нибудь из его владения, дома или виллы, захватил, осадил, запер, или тот, кто для этого предоставил своих людей, поместил, привел, устроил беспорядки, мятежи (*seditiones*), пожар (*incendium*), пусть будет присужден к наказанию за совершение насилия (*ad violentiae poenam*), о котором писалось выше (т. е. к смертной казни. — Э. У.)“¹.

Из этого постановления эдикта Теодориха можно заключить, что вооруженные нападения на дома или виллы какого-либо землевладельца совершались иногда представителями знати с целью захвата чужого имущества и при помощи зависимых от них людей². Однако из предписания эдикта явствует также и то, что подобные нападения совершались и самими угнетенными людьми и, стихийно возникнув в результате народного возмущения, сопровождались серьезными беспорядками, „мятежами“ и пожарами³. Это всецело подтверждается и другим предписанием того же эдикта Теодориха, в котором предусматривается случай, когда „насилие“ (*violencia*) совершено рабами — по приказанию своих господ или по их собственной инициативе: „... Если окажется, что рабы совершили насилие по своей собственной злонамеренности, то они наказываются смертной казнью“⁴.

В другой статье эдикта Теодориха мы находим указание на то, что кроме рабов и колонов в вооруженных выступлениях принимали участие и свободные люди „низкого“ происхождения. В этом предписании эдикта говорится, что бывают случаи, когда люди низкого происхождения собирают войска с целью запугать кого-либо; за это они после позорного наказания палками подвергаются вечной ссылке⁵. Быть может, подобные указания эдикта свидетельствуют об участии в народных выступлениях того времени некоторой части воинов, привлекавшихся для вооруженных нападений на имения крупных землевладельцев.

Само собой разумеется, остготское правительство в случаях вооруженного нападения „толпы“ на имения крупного собственника всецело защищало интересы последнего; это нашло свое выражение в предоставлении владельцу имения права вооруженной защиты от нападения и безнаказанной расправы с нападающими⁶.

¹ ETh., § 75: „Qui etiam armatis hominibus, ferro, fuste, lapide, de possessione quemquam domo, villa expulerit, expugnaverit, obsederit, clauserit, aut si forte propter hanc rem quis homines suos praestiterit, locaverit, conduxerit, turbam, seditiones, incendium fecerit, ad violentiae poenam, quae est superius adscripta, teneatur...“ Cp. Paulus. Sent., lib. V, tit. 26, § 3.

² ETh., § 75, 77.

³ См. интересную и весьма ценную работу М. Я. Сюзюмова «О социальной сущности законодательства „Василик“». ВВ, т. VI, 1953, стр. 72—88.

⁴ ETh., § 77: „... si violentiam eos sua temeritate commisisse claruerit“. В эдикте Теодориха за подобные преступления устанавливается более суровое наказание, чем в римском праве: согласно предписаниям римских юристов, виновные в этом преступлении не подвергались смертной казни, а ссылались в рудники (Cod. Theod., IX, 10, 4).

⁵ ETh., § 89. Cp. Paulus. Sent., lib. V, tit. 25, § 12.

⁶ ETh., § 16.